

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

**Профессор
Никандр Иванович Глориантов**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1911. № 2. С. 213-229.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Профессоръ Никандръ Ивановичъ Глоріантовъ.

(† 7 Января 1898 г.).

ЖИЗНЬ покойнаго наставника относится къ не очень давнему прошлому, но это прошлое во многомъ такъ своеобразно, что не только уходящее старое поколѣніе, но и смѣняющее его новое можетъ, кажется, остановиться на этомъ времени не безъ интереса. Предъ тѣмъ, кто знакомится съ тогдашней жизнью и по архивнымъ матеріаламъ и по воспоминаніямъ современниковъ, вырисовываются такія явленія изъ недавней русской дѣйствительности, мимо которыхъ нельзя пройти безъ пристального вниманія; нѣкоторыя же изъ нихъ вызываютъ и недоумѣніе, и сожалѣніе.

Н. И. Глоріантовъ былъ сынъ священника села Салдаманова, лукояновскаго уѣзда, нижегородской губерніи, Іоанна Алексѣевича Колосова; родился 2 іюня 1828 года. Отецъ его, вскорѣ послѣ рожденія сына, былъ перемѣщенъ на священническую вакансію въ село Мамлѣво, позже былъ переведенъ на протоіерейское мѣсто въ г. Горбатовъ, нижегор. г., а еще позже—на мѣсто настоятеля Трехсвятительской церкви въ Нижнемъ Новгородѣ. Этими перемѣщеніями родителя Н. И—ча объясняются кажущіяся разности въ указаніяхъ архивныхъ документовъ относительно мѣста рожденія покойнаго Н. И—ча и мѣста службы его родителя. Въ возрастѣ 8 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ (возрастѣ, по тогдашнимъ понятіямъ, очень молодомъ) поступилъ для школьнаго обученія въ Арзамасское дух. училище; время вступленія въ училище—6-е сентября 1836 г. При окончаніи училищнаго курса имѣлъ всего 14 лѣтъ отъ роду; кончилъ курсъ подъ № 2; аттестованъ былъ, при отправ-

леніи въ Нижегородскую семинарію, такъ: «поведенія весьма хорошаго; способностей и успѣховъ весьма хорошихъ, прилежанія постоянно ревностнаго». Въ семинарію поступилъ въ 1842 г., во 2-е низшее отдѣленіе. Въ спискахъ класса, съ перваго же года семинарскаго обученія, занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ (обыкновенно 3-е); его официальные аттестаціи: «способностей быстрыхъ, прилежанія весьма ревностнаго» или «неутомимаго» и т. п. Въ спискахъ учениковъ на экзаменахъ 1848 г., времени окончанія курса, занималъ по однимъ предметамъ 2-е, по другимъ—1-е мѣсто; въ разрядныхъ спискахъ за 1848 г. поставленъ былъ подъ № 1. Какъ видно изъ разныхъ официальныхъ документовъ, ученикъ Г. съ перваго же класса семинаріи обнаружилъ вообще большія природныя способности и былъ у всѣхъ наставниковъ на лучшемъ счету. Извѣстно, что его ученическія письменныя разсужденія на философскія и богословскія темы, въ виду особенныхъ достоинствъ содержанія и изложенія, наряду съ другими немногими сочиненіями сотоварищей, по распоряженію ректора семинаріи, списывались въ особыя книги, которыя и доселѣ хранятся въ семинарской фундаментальной библіотекѣ.

Высокая официальная оцѣнка ученика Г. его наставниками и начальниками, видимо, совпадала съ таковою же оцѣнкою и со стороны товарищей. По словамъ одного изъ нихъ, «экзамены въ семинаріи производились тогда три раза въ годъ: предъ Рождествомъ, предъ Пасхой и предъ лѣтними каникулами», и «Н. И. Глоріантовъ на первомъ же экзаменѣ выказалъ такіе успѣхи и познанія по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ, что ректоръ семинаріи не зналъ, какъ его хвалить и обласкать за отличные отвѣты». Передается такой случай, обнаруживающій острый и живой умъ семинариста Г. Предложено было классу написать сочиненіе на тему: «Главные причины крестовыхъ походовъ». У одного воспитанника дѣло съ сочиненіемъ не ладилось; Г. вызвался помочь товарищу и сталъ устно излагать свои мысли, а товарищъ записывалъ продиктованное. Запись была переписана и представлена наставнику. Послѣдній, ознакомившись съ сочиненіемъ, прочиталъ его и въ классѣ, а затѣмъ предложилъ желавшимъ указать его хорошія и слабыя стороны. Сдѣлать разборъ сочиненія вызвался самъ его дѣйствительный авторъ Г., который и указалъ въ немъ гораздо больше недостатковъ, чѣмъ достоинствъ. Преподаватель, однако, призналъ сочиненіе весьма

хорошимъ, и только выразилъ (въ письменной рецензіи на работѣ) сомнѣніе, есть ли номинальный авторъ сочиненія его подлинный авторъ. Съ переходомъ изъ низшаго въ среднее отдѣленіе семинаріи Г., по словамъ того же его однокурсника, сталъ обнаруживать особенные успѣхи и познанія въ физико-математическихъ наукахъ и языковѣдѣніи. На каждый почти урокъ по физикѣ и математикѣ онъ приносилъ съ собой въ классъ какую-нибудь модель; между наставникомъ и Г. завязывался споръ по изясненію физическихъ явленій, и Г., по воспоминаніямъ его товарища, часто ставилъ учителя въ тупикъ. Подобные случаи бывали и на классѣ Св. Писанія въ высшемъ отдѣленіи. Въ спорахъ съ преподавателемъ П. И. Н—мъ, мало занимавшимся своимъ предметомъ, «Г. разбивалъ его въ пухъ и прахъ. Раздраженный Н. хваталъ Г-ва за рукавъ и тащилъ въ Правленіе къ ректору съ жалобой на него». Однажды «ректоръ, выслушавъ жалобу, закричалъ на всю семинарію: «знаю, знаю... Ты, Н., плохой учитель, худо преподаешь Св. Писаніе, а Глоріантовъ—мальчикъ хорошій, кроткій, даровитый, искусный въ Словѣ Божіемъ, и къ тому же знающій еврейскій языкъ. Идите въ классъ». И тѣмъ дѣло кончалось.

Этотъ ректоръ—памятный въ исторіи нижегородской семинаріи архимандритъ Аполлоній, сдѣлавшій необыкновенно много для благоустройства семинаріи во всѣхъ отношеніяхъ, человѣкъ умный, хотя въ обыденныхъ сношеніяхъ, по своей вспыльчивости, бывавшій слишкомъ рѣзкимъ. По выводамъ новѣйшаго историка нижегородской семинаріи, г. А. Тихова, «строгая, но не суровая дисциплина, поддерживаемая авторитетомъ ректора Аполлонія, налагала на всю семинарскую жизнь его времени и питомцевъ особый отпечатокъ. Это были строгія черты дѣловитости и трудолюбія. Определенность настроенія учащихся, необходимая для полной устойчивости и успѣшности всякаго дѣла, въ свою очередь составляла благоприятную почву, на которой вообще складывались отношенія воспитанниковъ. «У насъ замѣчательнъ былъ духъ товарищества,—вспоминаетъ о своемъ времени одинъ аполлоніевецъ:—всѣ мы были, какъ члены одной мирной семьи, другъ друга тяготы носили, какъ могли; способнѣйшіе помогали мало успѣшнымъ». Черты аполлоніевскаго режима и требовательности неизгладимо запечатлѣлись на многихъ его питомцахъ на всю жизнь». Изъ своихъ питомцевъ ректоръ Аполлоній, вообще умѣвшій цѣнить людей по ихъ дѣйствительнымъ достоинствамъ, особенно отличалъ и

выдѣлялъ ученика Г., хотя изъ нижегородской семинаріи за время ректорства Аполлонія вышло много другихъ дѣльныхъ людей, да и въ томъ самомъ курсѣ, къ которому принадлежалъ Г., было не мало способныхъ юношей, въ томъ числѣ, напримѣръ, Окотинъ Иванъ, въ монашествѣ Іустинъ, вполнѣдствіи магистръ петерб. академіи и херсонскій архіепископъ, и нѣкоторые другіе семинаристы, одного съ Г.—мъ, 1-го отдѣленія («класса») Богословія, а также воспитанники 2-го отдѣленія: Матвѣевскій Павелъ, вполнѣдствіи видный с.-петербургскій протоіерей и почтенный духовный писатель; Соколовъ Александръ, окончившій казанскую академію въ 1852 году первымъ магистромъ и назначенный бакалавромъ въ спб. академію, послѣ же перемѣщенный на другую службу; Пospѣловъ Іоаннъ, окончившій магистромъ московскую академію и долго съ большою пользою для православной церкви служившій въ священномъ санѣ въ Прибалтійскомъ краѣ; Раевъ Павелъ, вполнѣдствіи митрополитъ с.-петербургскій Палладій; Орловъ Рафаиль, въ монашествѣ Романъ, магистръ казанской академіи, и другіе.

Г., при окончаніи семинарскаго курса въ 1848 г., какъ лучший студентъ, былъ предназначенъ къ поступленію въ академію, но, по злокачественной болѣзни ноги, отправиться въ академію не могъ. Онъ былъ посланъ, по выздоровленіи, въ слѣдующемъ году, и именно въ с.-петербургскую академію, въ которую и поступилъ съ отличіемъ, какъ видно изъ ниже слѣдующаго отношенія казанской духовной академіи, къ округу которой принадлежала тогда нижегородская семинарія, отъ 5 ноября 1849 г., на имя правленія нижегородской семинаріи: «При приѣмѣ въ С.-Петербургскую дух. академію семинарскихъ воспитанниковъ, присланныхъ въ текущемъ (1849) году въ составъ новаго академическаго курса, одинъ изъ трехъ воспитанниковъ нижегородской семинаріи Никандръ Глоріантовъ оказался въ числѣ лучшихъ кандидатовъ, выдержавшихъ удовлетворительно испытаніе во всѣхъ предметахъ приѣмнаго экзамена. Вслѣдствіе сего г. оберъ-прокуроръ изволилъ поручить Правленію Казанской Академіи за представленіе сказаннаго воспитанника въ Спб. Академію объявить правленію нижегородской семинаріи признательность начальства».

Во все время обученія въ Академіи Г. удерживалъ репутацію даровитаго, многосвѣдущаго и усерднаго студента. Въ спискахъ преподавателей академическихъ наукъ онъ занималъ мѣста обыкновенно въ числѣ первыхъ семи студентовъ (подъ

№№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7), и очень рѣдко—ниже; словесныя аттестаціи его успѣховъ давались преподавателями обыкновенно высшія. Въ спискѣ студентовъ XX курса, составленномъ по окончаніи публичныхъ испытаній въ 185¹/₂ учебн. году, Г. поставленъ подъ № 2. Въ спискѣ студентовъ, содержащемъ отмѣтки за отвѣты на экзаменахъ при окончаніи курса въ іюнѣ 1853 г., при фамиліи Г. встрѣчаемъ почти исключительно высшія отмѣтки. Въ окончательномъ спискѣ завершившихъ учебный курсъ воспитаниковъ XX-го (послѣ преобразованія) академическаго выпуска Г. стоитъ на 2-мъ мѣстѣ. Товарищами его по курсу, сравнительно очень большому (61 чел.), были: Самуиль Михайловскій, первый магистръ этого курса, бывшій бакалавромъ Академіи, позже—протоіерей въ Петербургѣ; священникъ А. Верещагинъ, въ иночествѣ Асиикритъ, третій магистръ въ курсѣ, нѣкоторое время служившій въ Академіи бакалавромъ; И. Вознесенскій, бывшій бакалавръ; П. Лебедевъ, также служившій бакалавромъ; іеромонахъ Павелъ (Лебедевъ), впоследствии экзархъ Грузіи; вышеупомянутый П. Матвѣевскій; іеромонахъ Θεογνοῦς (Лебедевъ), умершій въ санѣ митрополита кievскаго; іеромонахъ Іустинъ (Охотинъ) и другіе почтенные и способные труженики. Диссертацию на ученую степень писалъ Г. на тему: «Историческое изслѣдованіе о возведеніи Фотія на патріаршій константинопольскій престолъ». Это сочиненіе, отмѣченное высшимъ балломъ 10, вмѣстѣ съ успѣхами Г. въ изученіи наукъ академическаго курса, доставило ему степень магистра богословія. Читавшій диссертацию, послѣ академическаго рецензента, архіепископъ варшавскій Арсеній, какъ видимъ изъ его довольно обстоятельнаго и любопытнаго отзыва, призналъ «обиліе матеріаловъ, трудолюбіемъ сочинителя собранныхъ», нашель, что «за трудъ, за собраніе многихъ свѣдѣній, за основательность весьма многихъ соображеній, слѣдуетъ автору отдать справедливость», что «главная задача изслѣдованія — правильность и законность возведенія Фотія въ патріарха сочинителемъ разсмотрѣнна и обсуждена почти со всѣхъ сторонъ и довольно основательно», хотя указалъ и немало слабыхъ, по его мнѣнію, сторонъ и пунктовъ въ сочиненіи. Эти указанія, характеризующія учено-литературный трудъ Г., въ не меньшей можетъ быть мѣрѣ характерны и для самого преосвященнаго рецензента. Въ ученой степени магистра былъ Г. утвержденъ 18 апрѣля 1855 года.

По окончаніи Н. И. Глоріантовымъ курса наукъ въ Академіи, ему было поручено, въ видѣ опыта, преподаваніе физики въ Академіи 1 сентября 1853 г.; черезъ мѣсяць, 28 сентября, былъ онъ опредѣленъ на должность бакалавра по классу физики. Это назначеніе, какъ пишетъ одинъ изъ близко знавшихъ покойнаго его учениковъ, произошло при главномъ участіи и вліяніи такихъ строгихъ и разборчивыхъ цѣнителей, какими были ректоръ Академіи, докторъ богословія, Макарій, впоследствии митрополитъ московскій, и инспекторъ, докторъ богословія, архимандритъ Іоаннъ, впоследствии епископъ смоленскій, знавшій Г. въ теченіи болѣе 2½ лѣтъ. По свидѣтельствамъ позднѣйшихъ учениковъ покойнаго наставника (XXIV и XXV курсовъ), Г. былъ отличнымъ преподавателемъ. Зная свою науку, онъ излагалъ предметъ живо, ясно и понятно, а нерѣдко и остроумно. Любовь наставника къ интересной дисциплинѣ и основательное, отчетливое знаніе ея привлекали слушателей, которые обыкновенно весьма усердно, не смотря на обиліе преподававшихся въ Академіи наукъ, посѣщали аудиторію Н. И.—ча, особенно интересуясь производимыми на физическихъ приборахъ опытами. Недовольствуясь обычнымъ, положеннымъ программю, числомъ уроковъ, усердный бакалавръ, а потомъ профессоръ, приглашалъ студентовъ заниматься съ нимъ производствомъ опытовъ и по вечерамъ, въ самомъ помѣщеніи физическаго кабинета, и многіе студенты охотно посѣщали эти частныя лекціи и проводили на нихъ не малое время съ интересомъ и, конечно, съ пользою для себя. Достоиню особаго вниманія то, что, «излагая содержаніе своей науки и изслѣдуя силы и законы природы, Г. никогда не затемнялъ въ сознаніи студентовъ идеи о той единой, Божественной Силѣ, Которая выше всѣхъ законовъ и Которой зиждется и управляется міръ». Г. излагалъ свою науку обыкновенно изустно, живою рѣчью; своихъ лекцій онъ обычно не издавалъ. Въ Архивѣ Св. Синода сохранились, правда, литографированныя записки по нѣкоторымъ отдѣламъ физики (Введеніе въ науку и первыя ея главы, затѣмъ главы XII и слл. о магнетизмѣ, электричествѣ и электромагнитныхъ явленіяхъ), съ подписями бакалавра Глоріантова на нѣкоторыхъ листахъ; но, какъ показываютъ цифровыя даты въ концѣ тетрадей и фамиліи переписчиковъ—студентовъ, эти записки, назначенныя вѣроятно для подготовленія студентовъ собственно къ экзаменамъ, относятся почти къ самому началу

преподавательской службы Н. И—ча (конецъ 1854 и 1855 годовъ), и по нимъ безусловно нельзя судить ни о преподавателѣ, ни о преподаваніи, особенно въ послѣдующіе годы. И краткіе и сравнительно обстоятельные, въ большинствѣ случаевъ собственной рукой Н. И—ча написанные, обзоры предметовъ, преподанныхъ имъ по классу физики, за нѣкоторыя полугодія и цѣлые учебные годы, сохранились въ архивѣ Академіи. По свидѣтельству одного изъ студентовъ XXV курса (1859—1863), къ экзамену готовились студенты по подробному, весьма искусно и систематично составленному преподавателемъ конспекту, который выдавался предъ началомъ лекцій, такъ что слушатели заранѣе знали предметъ каждой лекціи и могли заносить въ конспектъ дополнительные разъясненія. Всѣ студенты, какъ свидѣтельствовалъ при гробѣ умершаго наставника одинъ изъ его бывшихъ учениковъ, цѣнили его «обширныя и многостороннія знанія», его «дарованіе и искусство преподаванія», а также его «простое и сердечное отношеніе» къ нимъ и «по истинѣ братское и дружеское обращеніе» съ ними.

Въ качествѣ преподавателя физики, завѣдуя физическимъ кабинетомъ при Академіи, покойный очень заботился о пріобрѣтеніи новыхъ приборовъ, а нѣкоторые изъ нихъ, менѣе сложные, готовилъ и самъ; «физическій кабинетъ, по словамъ одного изъ его учениковъ, былъ его любимымъ дѣтищемъ, за которымъ онъ ухаживалъ съ отеческою заботливостію; вновь пріобрѣтенный интересный приборъ приводилъ его въ восторгъ».

Кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей по занимаемой кафедрѣ въ Академіи, Г. выполнялъ много порученій по устройству физическихъ кабинетовъ въ среднихъ духовныхъ школахъ. Частію вмѣстѣ съ бакалавромъ, впоследствии профессоромъ математики Е. И. Ловягинымъ, частію единолично, Г. составлялъ, по порученіямъ академическаго правленія, вслѣдствіе распоряженій духовно-учебнаго управленія, списки инструментовъ, которые признавались тогда необходимыми для надлежащаго устройства физико-математическихъ кабинетовъ въ семинаріяхъ. Были составлены списки приборовъ для олонецкой, волынской, подольской, тамбовской, кишиневской и, можетъ быть, другихъ семинарій. Въ спискахъ обозначались инструменты, необходимые для объясненія общихъ свойствъ тѣлъ, статики и динамики, гидростатики и гидродинамики, аэростатики и аэродинамики, акустики, свѣта, теплорода или теплотвора, магнетиз-

ма, электричества и гальванизма, и инструменты, нужные для практической геометріи, каковы: астролябія съ цѣпью, мензула съ принадлежностями, готовальни, также глобусы небесный и земной. При этомъ, ради экономіи, указывались способы снабженія семинарскихъ физическихъ кабинетовъ нужными приборами съ возможно меньшими затратами на то казенныхъ суммъ. Онъ же, вмѣстѣ съ профессоромъ Л., по порученію академическаго правленія, свидѣтельствовалъ исправность и полноту физическихъ инструментовъ, назначенныхъ для семинарій, и даже надзиралъ за надлежащею ихъ укупоркою. Въ тѣ времена профессорамъ, какъ видимъ, приходилось вышолнять довольно неожиданныя порученія синодскихъ чиновниковъ. Иногда доводилось, по требованіямъ духовно-учебнаго управленія при Синодѣ, вновь пересматривать составленный уже списокъ инструментовъ, для того, чтобы сообразовать его съ ранѣе составленными въ Академіи для другихъ семинарій и одобренными въ Синодѣ списками, въ случаѣ же отступленій отъ одобренныхъ списковъ объяснять основанія отступленій. Позже, по особому порученію, Г. составлялъ программу физики и космографіи для семинарій. Въ связи съ занятіями по кафедрѣ, но въ связи съ общими обязанностями академической службы, находилось возложенное на Г., вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, правленіемъ Академіи, въ исполненіе синодальнаго распоряженія, порученіе перевести съ греческаго языка на русскій книгу Дѣяній Апостольскихъ. Тѣми же, конечно, причинами объясняется неоднократное назначеніе Г. членомъ временнаго ревизіоннаго комитета для провѣрки экономическихъ отчетовъ Академіи.

Вѣроятно для восполненія средствъ къ существованію, вслѣдствіе крайней скудости тогдашняго содержанія академическихъ наставниковъ, Г., одинаково со многими другими преподавателями, занималъ нѣкоторое время одну изъ второстепенныхъ должностей, именно проходилъ должность помощника эконома съ 12 апр. 1856 г. по 14 янв. 1859 года; кромѣ того, исправлялъ должность эконома Академіи съ 2 іюня 1858 г. по 30 іюля того же года. Своего рода восполненіемъ въ матеріальной нуждѣ бакалавра былъ, кажется, и Всемиловѣйшій подарокъ въ 300 р., котораго Г. былъ удостоенъ 17 февраля 1859 года въ годовщину 50-лѣтія Академіи.

Въ сентябрѣ 1860 г. ректоръ Академіи, епископъ Выборгскій Нектарій, обращая вниманіе академическаго правленія на

«отличныя познанія бакалавра физики Н. Г—ва въ преподаваемой имъ наукѣ и особенную ревность его въ прохожденіи наставнической должности», предложилъ правленію, «въ награду Г—ва за его прежніе труды и въ поощреніе къ дальнѣйшимъ», ходатайствовать о возведеніи его въ званіе экстраординарнаго профессора. Правленіе, согласившись съ ректоромъ, «по вниманію къ отлично усердной и полезной службѣ бакалавра Г. и въ поощреніе его къ дальнѣйшимъ трудамъ», ходатайствовало предъ митрополитомъ с.-петербургскимъ «о возведеніи бакалавра Г. въ званіе экстраординарнаго профессора физики, съ предоставленіемъ ему права присутствовать въ засѣданіяхъ конференціи наравнѣ съ обыкновенными профессорами». Тогдашній митрополитъ с.-петербургскій Исидоръ 4 сентября согласился съ правленіемъ. Но матеріальное положеніе новаго профессора чрезъ это немного улучшилось. По формуляру за 1867/8 годъ, онъ получалъ по должности экстраорд. профессора 429 р. и добавочнаго отъ лавры содержанія 471 р., при 100 рубляхъ по степени магистра.

Съ преобразованіемъ Академіи по Высочайше утвержденному 30 мая 1869 г. новому уставу, отмѣнившему преподаваніе физико-математическихъ наукъ въ д. академіяхъ, Н. И. Глоріантовъ Совѣтомъ Академіи былъ избранъ на должность профессора латинскаго языка и его словесности и, по утвержденіи Св. Синодомъ въ этой должности, вступилъ въ отправленіе новыхъ своихъ обязанностей 15 августа 1869 г. Съ того же числа вступилъ онъ въ исполненіе обязанностей члена Совѣта Академіи, согласно состоявшемуся избранію, по правиламъ устава.

Н. И. Г., какъ есть основанія думать, преподавалъ новый предметъ не съ тою любовію, какъ физикъ, но съ меньшимъ усердіемъ. Новая должность потребовала отъ него широкаго изученія памятниковъ латинской литературы, и это изученіе, при большихъ способностяхъ и замѣчательной памяти Н. И.—ча, тѣмъ менѣе могло его затруднять, что латинскій языкъ былъ ему хорошо извѣстенъ еще со времени его училищнаго и семинарскаго обученія. По свидѣтельству одного изъ его учениковъ, который былъ къ нему довольно близокъ въ послѣдніе годы его жизни, Н. И.—чь даже спустя много лѣтъ послѣ ухода изъ Академіи «могъ произнести наизусть цѣлыя тирады изъ латинскихъ прозаиковъ и поэтовъ, дѣлая при этомъ остроумныя къ нимъ комментаріи и филологиче-

скія поясненія». О томъ же свидѣтельствуеъ одинъ пережившій его однокурсникъ по семинаріи. Свое знакомство съ учебною литературою, по предмету академическихъ занятій, не только старою, представленною въ академической библіотекѣ довольно хорошо, но и новою, насколько это было возможно при весьма ограниченныхъ библіотечныхъ средствахъ, Г. постепенно расширялъ. При классныхъ занятіяхъ со студентами читалъ онъ Цицерона, Ливія, Тацита, Овидія («Превращенія» и «Календарь»), Виргилія (Энеиду и нѣкот. эклоги), Горація, Лукреція, Сенеку; излагалъ правила латинскаго стихосложенія, предлагалъ курсы исторіи римской литературы, раскрывалъ студентамъ нѣкоторые отдѣлы изъ грамматики (правила объ употребленіи изъявительнаго и сослагательнаго наклоненія, объ употребленіи латинскаго глагола); студенты IV курса, подъ его наблюденіемъ, самостоятельно изучали авторовъ, которыми по программѣ положено было заниматься въ семинаріяхъ. Воспитанникъ старой духовной школы, въ которой латинскій языкъ былъ отчасти языкомъ преподаванія и—слѣдовательно—до извѣстной степени языкомъ живымъ, и самъ владѣвшій латинскою рѣчью, Н. И—чъ при своихъ занятіяхъ со студентами временами предлагалъ и имъ устно передавать нѣкоторыя русскія фразы по латыни, чѣмъ иногда видимо ставилъ слушателей въ затрудненіе. Къ немалому, вѣроятно, огорченію профессора, ему приходилось вообще преподавать латинскій языкъ студентамъ, не всегда достаточно подготовленнымъ къ академическимъ занятіямъ древними языками и литературами. То время было уже временемъ упадка изученія древнихъ языковъ въ духовныхъ школахъ. Это подтверждаютъ не только воспоминанія лицъ, учившихся въ семинаріяхъ въ ту пору, но и результаты повѣрочнаго, устнаго и письменнаго, испытанія по обоимъ классическимъ языкамъ (а не по одному лишь языку, по выбору экзаменующагося, какъ дѣлалось прежде и какъ дѣлается, къ сожалѣнію, доселѣ), произведеннаго, согласно предположенію церковно-практическаго отдѣленія и опредѣленію Совѣта, въ августѣ 1876 года, въ первый разъ по введеніи Устава 1869 г. Количество учебныхъ часовъ по древнимъ языкамъ въ эту пору было сравнительно значительно. Около этого времени профессора древнихъ языковъ имѣли еженедѣльно шесть лекцій въ первыхъ трехъ курсахъ (по 2 на каждомъ курсѣ) и 1 лекцію въ IV курсѣ.

Въ этотъ періодъ службы Г. исполнялъ и нѣкоторыя осо-

быя порученія, имѣвшія и не имѣвшія отношеніе къ его кафедрѣ. Онъ, напримѣръ, разсматривалъ студенческія диссертаціи, написанныя на ученую степень, и составилъ отзывы о сочиненіяхъ студентовъ Яреда, Воинова, Знаменскаго, Брянцева, Соснякова («Пизанскій соборъ»), Соколова («Опытъ обозрѣнія трудовъ русскихъ толкователей Свящ. Писанія»), Архангельскаго («Тертуліанъ, его жизнь и ученіе»). Входилъ, по избранію, въ составъ совѣтской комиссіи изъ трехъ лицъ для обсужденія вопроса о занятіяхъ студентовъ IV курса магистерскимъ сочиненіемъ и, вмѣстѣ съ проф. И. В. Чельцовымъ, поддерживалъ единственно правильное рѣшеніе вопроса, которое потомъ было принято и Совѣтомъ (Журналы Совѣта за 1874 г., стр. 247—253, и проф. прот. С. Соллертинскаго Опытъ исторической записки о состояніи Спб. Д. Академіи, 1910, стр. 87).

Послѣ ревизіи, произведенной въ январѣ 1875 г. архіепископомъ литовскимъ Макаріемъ, въ синодальномъ указѣ были сдѣланы профессору Г., какъ и нѣсколькимъ другимъ наставникамъ, начальственные замѣчанія относительно преподаванія. Признавая сдѣланныя ему замѣчанія не вызванными существомъ дѣла и не соотвѣтствовавшими дѣйствительному положенію вещей, профессоръ Г. такое свое мнѣніе открыто выразилъ въ официальномъ представленіи Совѣту Академіи, въ свое время появившемся и въ печати, и притомъ выразилъ, къ сожалѣнію, въ формѣ довольно рѣзкой, «не соотвѣтствующей должнымъ отношеніямъ подчиненности къ высшей церковной власти» (какъ нашелъ исправлявшій тогда должность синодальнаго оберъ-прокурора). Въ виду обстоятельствъ дѣла и при тогдашнемъ отношеніи центральныхъ учреждений духовнаго вѣдомства къ высшимъ духовнымъ школамъ, можно было заранѣе предвидѣть, что исходъ дѣла не будетъ благоприятенъ ни для профессора, ни для ректора и Совѣта Академіи, косвенно до нѣкоторой степени поддержавшихъ коллегу. Есть основанія догадываться, что предвидѣлъ это и профессоръ Г. Не ожидая, вѣроятно, ничего для себя хорошаго, къ тому же одолеваемый недугами, Н. И.—чѣ еще въ концѣ 1876 г. рѣшилъ просить Совѣтъ объ увольненіи отъ академической службы. Старому профессору было тяжело разставаться съ Академіею, въ которой онъ, по его собственнымъ словамъ, провелъ «болѣе четверти столѣтія, начиная съ самыхъ молодыхъ юношескихъ лѣтъ», «живя одною общею съ нею жиз-

нію». «Закончивъ въ Академіи свое собственное образованіе, я», писалъ Н. И., «съ тѣхъ поръ и до сего времени непрерывно раздѣляю ея труды по образованію другихъ и, можно сказать, сроднился съ ней душою; между нами образовалась такая связь, которая разрывается не легко; мнѣ стало трудно представлять себя чѣмъ-нибудь другимъ, а не профессоромъ Академіи». Въ виду разстроеннаго состоянія здоровья, которое и въ болѣе молодые годы не отличалось крѣпостью, прося увольненія отъ службы при Академіи, онъ выразилъ надежду, что ректоръ Академіи не откажетъ ему въ ходатайствѣ предъ высшимъ начальствомъ о матеріальномъ обезпеченіи его старости. «Это», писалъ старый профессоръ, «моя послѣдняя просьба къ Академіи». Такъ какъ Н. И. не дослужилъ до 25-лѣтія около 2 лѣтъ и такимъ образомъ полной, полагающейся за 25-лѣтнюю службу, пенсіи не выслужилъ, то возбуждено было ходатайство о назначеніи ему за свыше 23-лѣтнюю духовно-учебную службу, по сокращенному сроку, полной пенсіи, полагающейся за 25-лѣтнюю службу по званію экстраординарнаго профессора, каковая пенсія въ количествѣ 800 р. сер. въ годъ, и была ему назначена. Увольненіе отъ службы при Академіи послѣдовало 22 марта 1877 г. Въ виду, однако, предстоявшаго окончанія учебнаго года, оказалось нужнымъ принять во вниманіе необходимость участія профессора Г., до послѣдняго времени преподававшаго латинскій языкъ студентамъ всѣхъ курсовъ. въ производствѣ экзаменовъ въ маѣ и іюніѣ, а также и то, что производившаяся имъ, по порученію Совѣта, ревизія академической библіотеки могла быть окончена лишь къ концу истекавшаго академическаго года. Поэтому Совѣтъ просилъ с.-петербургскаго митрополита ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о дозволеніи профессору Г., примѣнительно къ § 60 академическаго устава, исправлять должность профессора до окончанія академическаго года, съ вознагражденіемъ по расчету изъ полного оклада экстраординарнаго профессора. Дозволеніе было дано.

Корпорация наставниковъ Академіи, какъ видно и изъ изложеннаго, цѣнила и должныя и сверхдолжныя труды Н. И.-ча. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ, по существу очень важныя, требовали крайней тщательности, но вложенной въ дѣло энергіи интересомъ дѣла не вознаграждали. Такъ на-примѣръ, съ марта 1873 года и до времени оставленія службы при Академіи, т. е. въ теченіи четырехъ лѣтъ, онъ занятъ

былъ повѣркою библиотечныхъ каталоговъ и наличности книгъ, поступившихъ въ академическую библиотечку, послѣ ревизіи въ 1857 году, въ теченіи 16 лѣтъ, съ 1857 года по 1872 годъ включительно. Новая ревизія заключалась въ повѣркѣ каталоговъ по документамъ Правленія Академіи и въ сличеніи съ ними наличной библиотечки. Трудъ этотъ, по официальному совершенно точному удостовѣренію, исполненъ былъ съ примѣрною тщательностью и веденъ былъ съ неутомимостью. За этотъ 4-лѣтній трудъ была выражена Совѣтомъ профессору Г. благодарность Совѣта, со внесеніемъ въ формулярный о службѣ его списокъ. Представленный Совѣту Н. И—мъ обширный докладъ о ревизіи библиотечки выразительно свидѣтельствовалъ объ удивительной точности и добросовѣстности профессора Г. въ исполненіи поручаемыхъ ему даже отъменно сухихъ дѣлъ, которая вошла какъ бы въ его природу и безъ мысли о которой знавшимъ покойнаго нельзя было и представить его. Въ этомъ докладѣ, помимо чисто ревизіонныхъ указаній, намѣчены были и очень существенныя библиотечныя нужды, которыя могъ знать и указать только человекъ, всю свою жизнь проведеній въ обществѣ книгъ. Цѣнили жизненный трудъ своего наставника и бывшіе его слушатели, не склонные и не привыкшіе быть неблагодарными, какъ это видно и изъ посвященныхъ его памяти некрологовъ. И начальство не всегда обходило даровитаго и трудолюбиваго профессора своимъ вниманіемъ. По опредѣленію Св. Синода, вслѣдствіе представленія митрополита Никанора, обозрѣвавшаго Академію въ 1855 году, преподано было ему благословеніе Св. Синода 29 декабря 1855 года; 18 апрѣля 1868 г. былъ онъ Всемиловѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 3-й степени; 7 іюля 1869 г. пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-й степени; 16 апрѣля 1872 г. пожалованъ знаками ордена св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною; былъ представляемъ и къ ордену св. Владиміра 4-й степени, но этому ходатайству нашимъ чиновничествомъ не было дано движенія. Имѣлъ также бронзовую на Андреевской лентѣ медаль въ память войны 1853—1856 годовъ.

Послѣднія 20 слишкомъ лѣтъ своей жизни Н. И—чъ провелъ на родинѣ, гдѣ онъ поселился навсегда, совершивъ предварительно поѣздки на Кавказъ и въ Крымъ, для поправленія здоровья. Въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ показываютъ печатныя статьи покойнаго изъ этого періода жизни, его

пытливый, но вѣрующій умъ опять вернулся къ опытамъ примиренія вѣры съ наукой, занимавшимъ его въ Академіи. Здѣсь вновь ожилъ и его старый интересъ къ физикѣ. Изъ физическихъ явленій особенно занимало его электричество. Онъ устроилъ, — повидимому по собственнымъ плану и рисункамъ, — какую-то довольно массивную машину съ тяжелымъ чугуннымъ колесомъ, стоившую ему не менѣе 300 р. Работа машины его не удовлетворяла; при сильной работѣ колеса, машина давала какіе-то огоньки; попытки произвести въ приборѣ требуемыя улучшенія, даже при помощи другихъ, поймавшихъ дѣло, лицъ, не удавались. Пользуясь своею машиною, Н. И.—чъ добылъ какой-то цѣнный для него матеріалъ, выраженный въ математическихъ выкладкахъ, по къ положительнымъ результатамъ, по его (какъ утверждаютъ) собственному признанію, не пришелъ. Въ концѣ концовъ, должно быть разувѣрившись въ осуществимости своихъ плановъ, Н. И. передалъ этотъ свой приборъ, безвозмездно, въ распоряженіе колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, въ которой машина и была продана на сломъ за 37 рублей. Эта неудача подѣйствовала видимо неблагопріятно на настроеніе Н. И.—ча, сильно ослабивъ и его интересъ къ новѣйшимъ открытіямъ въ естествовѣдѣніи. Если въ прежнее время открытія Эдиссона сильно его интересовали, то теперь открытіе Рентгеновскихъ лучей уже мало его занимало. Изъ времени жизни Н. И.—ча въ Нижнемъ передается еще слѣдующій случай. Старостѣ одной изъ городскихъ церквей (Покровской), въ бесѣдѣ съ нимъ, онъ высказалъ: «у васъ въ церкви бываетъ масса народа, а храмъ вапъ малъ и низокъ; нужно его расширить; мѣстность около храма этому благопріятствуетъ». Староста отвѣтилъ: «мы и сами давно думаемъ объ этомъ, но не знаемъ, гдѣ тогда отправлять богослуженіе». «Спустя немного времени мы, — пишетъ бывшій настоятель этого храма, — получили отъ Н. И.—ча собственноручный чертежъ, признанный нами, по тщательномъ разсмотрѣніи, весьма практичнымъ, въ виду того, что въ немъ указана была полная возможность совмѣстимости и перестройки храма и непрерывнаго совершенія богослуженія въ немъ, въ одно и то же время».

Удивительно скромный въ оцѣнкѣ своихъ трудовъ, Н. И. не любилъ не только говорить, но и слышать о своихъ заслугахъ. Но люди, знавшіе Н. И.—ча, цѣнили трудъ его жизни. Бесѣдами съ нимъ дорожили и его случайные зна-

комые. Одна интеллигентная дама объ этихъ бесѣдахъ отзывалась такъ: «во всю жизнь мою здѣсь, въ Нижнемъ, я никогда не слыхала, кто бы такъ умно, остро и увлекательно говорилъ, какъ профессоръ Глоріантовъ». Въ отношеніяхъ къ другимъ всегда, и въ Петербургѣ и въ Нижнемъ, былъ пріятливъ и благодушенъ; былъ въ общемъ жизнерадостенъ, не смотря на частыя недомоганья; въ хорошія минуты, какъ сообщали знавшіе его сослуживцы, любилъ добродушно пошутить; въ тяжелыя обыкновенно говорилъ: «пора въ земличку». Знакомствъ не искалъ, тѣмъ болѣе—на старости лѣтъ; но посѣтителямъ всегда былъ радъ. Между такими посѣтителями бывали и пріѣзжавшіе въ Нижній свѣтскія и духовныя лица, въ томъ числѣ и архіерси, изъ бывшихъ учениковъ его по Академіи. Жилъ онъ въ Нижнемъ, какъ и въ Петербургѣ, чрезвычайно просто; изъ своего (полученнаго по наслѣдству) дома выходилъ только въ садъ при домѣ, за которымъ заботливо и умѣло ухаживалъ, на прогулку внѣ дома и въ церковь. Скончался, какъ добрый христіанинъ, 7 января 1898 года. Тѣло почившаго похоронено, рядомъ съ могилами его родителей, на кладбищѣ нижегородскаго женскаго Крестовоздвиженскаго монастыря.

Научно-литературные труды покойнаго находились въ болѣе или менѣе близкой связи съ его занятіями по академическимъ кафедрамъ. Свободный отъ односторонности, къ которой склонны бываютъ естествовѣды, Н. И. видѣлъ въ познаніяхъ о природѣ средство для уясненія христіанскихъ истинъ. Свои естественнонаучныя знанія онъ примѣнилъ къ уясненію проблеммъ вѣрующей мысли—въ рядѣ интересныхъ статей, напечатанныхъ въ „Христіанскомъ Читеніи“ за 1861 г., томъ I, отд. 2, стр. 69—88 и 155—212, и т. II, отд. 2, стр. 205—232, подъ заглавіемъ: „Взглядъ на ученіе современной геологіи о происхожденіи міра и будущей его судьбѣ при свѣтѣ Божественнаго Откровенія“. (Отд. оттискъ—Спб. 1861). Въ этомъ трудѣ, возможность появленія котораго въ академическомъ журналѣ приходилось автору отстаивать, Н. И., по свидѣтельству одного, покойнаго нынѣ, русскаго библеиста, значительно расходился съ господствовавшимъ пониманіемъ библейскаго повѣствованія о твореніи міра, хотя въ основномъ своемъ взглядѣ стоялъ на древнеотеческой точкѣ зрѣнія. Названныя статьи обратили на себя вниманіе. Продолженіе этого труда по соглашенію Библии съ естествознаніемъ было помѣщено авторомъ въ „Христ. Читеніи“ за 1883 г. июль—авг., ч. II, стран. 10—43, подъ заглавіемъ „Шестодневъ и потопъ“, а окончаніе—въ томъ же журналѣ за 1892 г., ч. II, стр. 38—57, подъ первоначальнымъ заглавіемъ: „Взглядъ на ученіе современной геологіи“, и проч. Уже послѣ смерти автора въ „Хр. Чт.“ за 1898 г.

ч. II (CCVI), ст. 705—737, была напечатана статья: „Богословіе и естествознаніе. (Мысли стараго профессора)“.

Литературнымъ плодомъ занятій Н. И. древне-классической литературою былъ рядъ статей, посвященныхъ также исторіи творенія и потопа, въ связи съ жизнію человѣчества, и дальнѣйшимъ судьбамъ міра, но съ точки зрѣнія другихъ матеріаловъ, именно: „Происхожденіе міра и человѣка и послѣдующая судьба ихъ по изображенію древнихъ римскихъ поэтовъ: Сивиллины книги“ („Христ. Чт.“ 1877, ч. I, стр. 42—78); „Превращенія“ Овидія: разсказъ его о твореніи“ („Хр. Чт.“ 1877, ч. I, стр. 396—422); „Повѣствованіе Овидія о перво-бытномъ состояніи человѣчества и всемірномъ потопѣ вмѣстѣ съ предсказаніемъ о послѣднемъ концѣ міра“ („Хр. Чт.“ 1877, ч. I, стр. 601—644); „Виргиліевы Буколики и предсказанія Виргилія о возвращеніи золотого вѣка“ („Хр. Чт.“ 1877, ч. II, стр. 261—326).

Нѣсколько раньше, во второмъ выпускѣ „Собранія древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ“, изданныхъ въ переводѣ на русскій языкъ при „Христіанскомъ Читеніи“, былъ напечатанъ, какъ можно думать на основаніи указаній (не вполне ясныхъ) въ напечатанныхъ отчетахъ Академіи за 1874 и 1875 г.г., сдѣланный Н. И.—мъ переводъ съ латинскаго языка на русскій языкъ сирскихъ литургій: св. апостола Іакова и св. Василия Великаго. Переводъ первой литургіи, съ предисловіемъ переводчика, занимаетъ въ академическомъ изданіи страницы 3—44; переводъ второй съ предисловіемъ занимаетъ страницы 81—108. Возможно участіе Н. И-ча и въ переводѣ другихъ древнихъ литургій съ латинскаго на русскій языкъ.

Матеріалы для біографіи Н. И. Глоріантова взяты: изъ дѣлъ и журналовъ внутренняго и внѣшняго Правленія, Конференціи и Совѣта Спб. Дух. Академіи; изъ бумагъ архива нижегородской духовной семинаріи, по выпискамъ изъ нихъ, любезно сдѣланнымъ для автора настоящаго очерка преподавателемъ нижегородской семинаріи В. В. Бѣляевымъ, и по извлеченіямъ, сдѣланнымъ А. И. Тиховымъ въ многочисленныхъ и цѣнныхъ статьяхъ о нижегородской дух. семинаріи, которыя печатались имъ въ „Ниж. Еп. Вѣд.“ за годы съ 1900 по 1905 включительно и которыя имѣются также въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ (въ томъ числѣ: „Нижегородская Дух. Семинарія въ 1840—1851 годахъ“, Нижній Новгородъ, 1903); изъ письменныхъ сообщеній о покойномъ профессорѣ его родного брата В. И. Глоріантова и однокурсника почившаго по семинаріи, нижегородскаго протоіерея Д. Е. Орлова; изъ посвященныхъ умершему профессору, послѣ его кончины, статей о немъ его учениковъ по Академіи † проф. Ѳ. Г. Елеовскаго (въ „Церк. Вѣстникѣ“ 1898, № 5, столб. 153 и слд.) и бывшаго инспектора нижегородской семинаріи, магистра Спб. Академіи, Г. А. Полисадова („Нижегор. Еп. Вѣд.“ 1898, № 2, стр. 58—65), который въ томъ же выпускѣ названнаго изданія напечаталъ и сказанную имъ у гроба умершаго трогательную поминальную рѣчь о немъ (стр. 66—68). Въ предлагаемый очеркъ вошло также нѣчто изъ личныхъ воспоминаній составителя, который былъ также ученикомъ почившаго незабвеннаго наставника, и изъ справокъ въ синодальномъ архивѣ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о покойномъ имѣются въ двухтомномъ

очеркъ † проф. И. А. Чистовича: „Исторія Спб. Дух. Академіи“ (Спб. 1857) и „С.-Петербургская Дух. Академія за послѣднія 30 лѣтъ“ (Спб., 1889) и книгъ † бібліотекаря Академіи А. С. Родоскаго: „Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ Спб. Дух. Академіи“ (Спб. 1907). О жизни въ нижегородскихъ духовныхъ школахъ времени Н. И-ча и ближайшихъ къ нему годовъ извѣстны составителю настоящаго очерка воспоминанія почтеннаго нижегородскаго іерея, изложенныя въ „Нижегор. Ц.-Общ. Вѣстникъ“ за 1908 г. (часть ихъ перепечатана въ „Волгаръ“ 1908 г., № 265, подъ заглавіемъ: „Изъ прошлаго. Нижегородское дух. училище въ 50-хъ годахъ“), и воспоминанія брата покойнаго, недавно также умершаго, В. И. Глоріантова, помѣщенныя въ „Дѣйствіяхъ Нижегород. Губ. Ученой Архивной Коммисіи“, именно въ „Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ“, томъ VIII (1910 г.), стр. 52—57, подъ заглавіемъ: „Жизнь семинарская былого времени“.

А. Садовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки